

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 6 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13^e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 19-20 (447-448)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакия, Польша и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. Заперем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Caquot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux • Le Courrier Socialiste • — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

12 Ноября 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Фельетон: С. Шварц. Украинско-белорусская «весна».

Воззвание Социалистического Интернационала Молодежи.

А. Югов. Блокада и дефицит сырья в Германии.

Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).

Заметки: Поход Гитлера и Сталина против социалистов в Польше. — Полезные напоминания. — Война и 8-часовой рабочий день.

Р. Абрамович. На разные темы

В. Александрова. Голоса современников.

Extrait du sommaire: Articles de Th. Dan. Au tonnerre des canons (Pensées parlées); de A. Abramovitch. Sur les problèmes de guerre au point de vue socialiste; de A. Jugow. Sur l'efficacité de blocus de l'Allemagne; de S. Schwarz. Sur l'annexion des territoires ukrainiens et blanc-russiens polonais; de Vera Alexandrova. Sur la réaction des écrivains soviétiques sur les événements. — Notice sur la terre stalinienne contre les socialistes en Pologne; sur le discours de Molotov; sur la journée de 8 heures et la guerre; etc...

Воззвание Социалистического Интернационала Молодежи

К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВСЕГО МИРА.

Товарищи!

Мы стоим на пороге новой европейской войны.

Наперекор всем усилиям демократий и искренних друзей мира во всем свете сохранить мир, Гитлер самым наглым образом напал на Польшу.

Совершение этого нового акта насилия было облегчено Гитлеру позорным поведением Советского Союза. Советский Союз заключил с Гитлером, смертельным врагом свободы и культуры, пакт о ненападении, а затем, разгромив вместе с ним мужественный польский народ, с ним же поделил добычу.

На этот новый акт насилия Гитлера Великобритания и Франция ответили применением своей воинской силы против гитлеровской системы. Они ведут войну в целях испровержения гитлеровской диктатуры. Тем самым они борются за дело свободы и демократии в Европе, которое всегда было целью и нашей работы и борьбы.

В момент, когда руководящие демократические великие державы Европы решают ответить на насилие насилием, чтобы положить конец той вечной угрозе миру и свободе народов, какую представляет собою гит-

леровский нацизм,* — в этот момент мы обращаемся к вам, к социалистической молодежи всего мира:

На какое место ни поставила бы вас судьба, храните верность великим идеалам нашего Социалистического Интернационала Молодежи!

Будьте готовы к выполнению всякого долга, требуемого охранением и обеспечением демократии и свободы вашей страны и возлагаемого на вас ее социалистическим рабочим движением!

Забойтесь о том, чтобы голос человечности и разума не замирал в сердцах и головах молодежи!

Оставайтесь социалистами! Держитесь непоколебимо за наши социалистические идеалы! Будем сообща, каждый на своем месте, работать над тем, чтобы из тяжкого испытания, обрушенного на народы Европы Гитлером, восстала новая Европа, Европа свободных народов, Европа мира и социалистического прогресса!

Да здравствует Социалистический Интернационал Молодежи!

Париж-Стокгольм, начало октября 1939 г.

Торстен Нилссон, председатель.
Эрих Олленгауер, секретар.

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

В минуту, когда пишутся эти строки, внимание всего мира приковано к единоборству — пока, к счастью, лишь словесному! — крохотной Финляндии с правительством советского государства-левиафана.

Леон Блом («Попюлэр», 6 ноября), конечно, прав, считая вероятным, что в последнюю минуту Сталин остановится перед непреклонной волей Финляндии к сопротивлению и пойдет на приемлемый для нее компромисс, как пошел на него в переговорах с Турцией, ибо Сталин, несомненно, боится — и, с единственно решающей для него точки зрения, упрочения своего всевластия, имеет основания бояться! — вовлечения Советского Союза в войну: его политика есть та политика «свободных рук», о которой говорил Молотов и которая позволяет захватывать один кусок за другим, не только не ввязываясь в драку и сохраняя словесный «нейтралитет», но еще выступая в роли глашатая «мира»!

Но — диктаторы предполагают, а логика вещей располагает. Не иначе строил свои планы и германский «Фюрер», которого Сталин теперь точно копирует. И его политика захватов была «мирной», и она была запечатлена теми «справедливостью, благородством и бескорыстием», о которых говорят «Известия» (11 октября) в статье, вызывающей тошноту именно своим забвением правила о необходимости сохранять «оттенок благородства» при всех условиях. Пришел однако момент, когда ни свобода, ни ловкость рук не могли уже Фюреру помочь: сорвалось на Польше! Никто не может поручиться, что и у его кремлевского подражателя не сорвется на Финляндии.

Надо всячески желать, чтобы этого не случилось. Ибо, если бы Сталин двинул Красную Армию в Финляндию, чтобы взять у нее вооруженной рукой то, что она отказывается дать, по примеру Эстонии, Латвии и Литвы, «добровольно», то и внутренне- и внешне-политические последствия этого акта оказались бы поистине катастрофическими для Советского Союза, как катастрофическими оказались бы они и с точки зрения международно-пролетарского движения.

Конечно, в расчеты Сталина может входить, заняв своими войсками форт. Ино, Хангэ, Аландские острова на юге Финляндии, Печенгу (Петсамо) на севере, а, может быть, и еще кое-какие пункты — у диктаторов никогда ведь нельзя знать заранее, что нужно им для «безопасности»! — окопаться здесь в надежде, что ни Финляндия, ни другие скандинавские страны не будут иметь ни решимости, ни сил, чтобы попытаться вышибить «верного и действительного защитника независимости и целостности малых государств» (см. цитированный уже номер «Известий») из захваченной им территории. Думается однако, что слишком много важных интересов не только Скандинавии, но и воюющих стран сплетается в финляндском узле, чтобы эти расчеты могли оказаться правильными: попытка взять у Финляндии силой то, чего она не отдает «добровольно», означала бы, вероятно, вступление Советского Союза в войну и притом на стороне германского нацизма, превращение дипломатического, торгового и пропагандистского сотрудничества Сталина с Гитлером в прямой военный союз.

Такой союз может на первых порах дать обоим партнерам его, особенно Сталину, ряд отдельных и подчас быть может, весьма крупных «успехов». Но шансы его на конечную победу ничтожны, если не равны нулю. Гигантский количественный рост, сложность, высокое качество и дороговизна современного вооружения и снабжения делают в настоящее время решающим военным фактором победы экономический потенциал воюющих стран. Но, — не говоря уже о блокаде, медленно, но верно подрывающей германское хозяйство, — материальные ресурсы и экономический потенциал британско-французской коалиции значительно превышают соединенный германо-советский потенциал. Это превышение становится колоссальным благодаря тому, что общие условия вывоза товаров из Соединенных Штатов в воюющие страны и, особенно, только что последовавшая отмена запрещения вывоза оружия позволяют платежеспособной и господствующей над морями британско-французской коалиции использовать для своего вооружения и снабжения неисчерпаемые ресурсы и производительные силы самой промышленной страны мира. И не участвуя непосредственно в войне, Соединенные Штаты уже кладут весь вес своей мощи на чашу победы коалиции, и телеграмма Рузвельта Калинингу в защиту Финляндии должна была бы послужить Сталину полезным предостережением.

Надо думать, что и сам Сталин понимает всю вескость этого предостережения. Сейчас его политика, являющаяся неизбежным следствием положения, занятого им в момент подписания германо-советского пакта, неудержимо катится — через финляндские-ли, через черноморские-ли или через азиатские ворота — к все более тесному сотрудничеству с Гитлером. Но Сталин, конечно, и сам знает, что долговечным союз этот быть не может: ведь речь идет о союзе между политическими гангстерами, у которых за каждым словом скрывается ложь, за каждым обещанием обман, за каждым изъяснением дружбы измена и предательство. В разгар сегодняшней «дружбы» и Гитлер, и Сталин, конечно, одинаково думают о своем завтрашнем разрыве и вражде и заранее готовятся к этому моменту. Но только, когда он наступит, — можно опасаться, что вся классовая, социально-психологическая динамика современности, накладывающая на весь ход и исход современной войны еще более решающую печать, чем чисто военная техника, будет действовать — не против Сталина, в чем не было бы никакой беды, а против страны, которую он возглавляет и которую, в интересах своего режима, он толкнул на гибельный путь союза с Гитлером.

Этот союз дезорганизовал, деморализовал, ослабил те пролетарские, социалистические и демократические силы, которые могли бы в критический момент встать на защиту страны, в которой они видели колыбель своей революции. Он может оказаться поэтому весьма действительным средством подготовки той всеобщей коалиции против Советского Союза, которая, свернувшей Сталину, свернула бы ее одновременно и русской революции, отдав в то же время и искромсанный, а, может быть, и разбитый на «независимые» государства, Советский Союз, и освобожденные от засилия гитлеризма и сталинизма малые страны, и весь европейско-ази-

атский материк во власть социальной и политической реакции, господство которой означало бы лишь короткую передышку перед новым шквалом войн и революций. В эту именно сторону направлены уже и сейчас все дипломатические усилия Гитлера, надеющегося спекуляцией на инстинкты социального консерватизма все же, в конце концов, купить себе право и на личное участие в будущем Священном Союзе против своего московского «друга».

Но, если в международно-политическом отношении нападение на Финляндию отметило бы собою решительное вступление сталинской диктатуры на путь, грозящий привести к расчленению Советского Союза и укреплению мировой реакции, то внутри самого Союза оно ознаменовало бы завершение полного разрыва сталинской диктатуры с какими бы то ни было революционными, демократическими и социалистическими традициями, окончательное оформление положения, при котором и без того невеликие шансы демократической ликвидации сталинского единодержавия организованою борьбою трудящихся масс свелись бы окончательно на нет и единственным методом его устранения оказался бы метод дворового переворота силами той, окружающей кремлевского самодержца привилегированной верхушки эксплуататоров революции», которая по самой природе своей ничем кроме орудия мировой социальной и политической реакции быть не может...

Этих внешне- и внутренне-политических перспектив сталинского нападения на Финляндию достаточно, чтобы социалисты и демократы, все искренние, а не маргаритиновые и продажные «друзья Советской России» сделали все возможное, чтобы удержать кремлевского диктатора от рокового шага. Но, помимо всех своих гибельных политических последствий, этот шаг нанес бы тягчайший удар всем чаяниям и надеждам международного рабочего движения и во сто крат усилил бы тот идейный кризис, который развязан в нем сталинским предательством и который при всех условиях — и при более или менее «благополучном» разрешении финляндской проблемы — сможет быть преодолен лишь с огромным трудом.

Ведя захватническую политику не только по соглашению с Гитлером, но и чисто гитлеровскими методами и с чисто гитлеровским обоснованием, Сталин ставит пролетариев — прежде всего оккупируемых им стран (о крестьянском, мещанском, еврейском и т. д. населении этих стран я в этой связи не говорю) — в положение, при котором грубая сила «красных» штыков лишает их всяких способов вести свободно свою, пролетарскую политику, и все их политические возможности принудительно вгоняются в противоестественный «выбор» между петлей гитлеризма и петлей сталинизма. Естественно, что не только идеологическая связь пролетариев и этих стран, и всего мира с русской революцией, но и простой факт принадлежности польских, украинских, белорусских, литовских, латвийских, эстонских, еврейских и т. д. рабочих к «низшей» с точки зрения гитлеризма расе заставляет их своими руками затягивать на своей шее ту самую петлю, которою Сталин удушает и русскую революцию*).

*) Само собою разумеется, что прибалтийская социалдемократия обязана учитывать эту «естественную» в данных условиях реакцию рабочих масс в своих лозунгах и в своей тактике. Но, конечно, собственная политическая программа социалдемократии никоим образом не может быть втиснута в рамки «выбора» между двумя способами удушения классового рабочего движения, принудительно навязываемые сегодня обстоятельствами.

Нападение на Финляндию создало бы для рабочего класса всех стран без исключения, в том числе и Советского Союза, еще более трагически-противоречивое положение: он должен был бы, как один человек, встать на защиту обороняющейся от кремлевского насильника маленькой страны; он должен был бы занять определенно пораженческую позицию по отношению к этому насильнику. Но армия, которою Сталин оперирует, есть армия государства, с которым у мирового пролетариата на протяжении свыше двух десятилетий связалось не только множество воспоминаний, но и множество надежд. Можно быть разного мнения насчет степени иллюзорности этих воспоминаний и надежд. Но нельзя отрицать их наличия и нельзя не понимать, что разрыв с ними не может не породить глубочайшего идеологического и психологического кризиса.

Скорейшее преодоление этого кризиса необходимо не только для того, чтобы дать рабочему классу возможность справиться с указанным противоречием и твердо наметить и проводить свою линию поведения. Оно, в силу социальной динамики современной войны, необходимо и для того, чтобы довести войну против гитлеризма, в какие бы оболочки он ни рядился, «до победного конца». Но для такого преодоления одного обличения сталинского предательства и критики большевизма недостаточно. Еще более недостаточно, разумеется, репрессий против коммунистической печати и коммунистических организаций: эти репрессии, наоборот, могут до бесконечности затянуть кризис, с одной стороны, избавляя недобросовестных вождей коммунизма от обязанности так или иначе гласно объяснить свои идейно-политические «повороты на 180 градусов», а, с другой, искусственно закрепляя массы за коммунизмом узами уже не идейно-политической, а товарищески-организационной солидарности. Чтобы действительно преодолеть кризис, нужно растерянным, сбитым с толку, разочарованным рабочим массам дать новую, не-большевистскую, но положительную идеологическую и психологическую платформу отношения к войне и участия в ней, способную своею социально-эмоционально насыщенностью, если не «перекрыть», то хотя бы заместить им ту «советскую» платформу, от которой, несмотря на ее оглушительное банкротство, они отходят с таким идейным и моральным надрывом.

Московские командармы коммунизма делают со своей стороны, разумеется, все возможное, чтобы закрепить идейную смугу в рабочих рядах и — направо кругом марш! — поставить всю «мировую» коммунистическую армию на службу и захватническим вождениям Сталина, и неприкрытому «нацизму». И не имея еще в руках русских подлинников, можно утверждать, что речь Молотова в Верховном Совете и статья «Правды» о Финляндии побивают все рекорды не только политического, но и идейного бесстыдства даже в глазах тех, кто давно уже не имеет никаких иллюзий насчет «принципиальности» Сталина и его служащих. Но по существу Молотов еще более прав, чем он думает: не только понятие «агрессии» изменило свой смысл после того, как агрессором стал Сталин, изменили свой смысл все понятия и все слова большевистского словаря. Национальное самоопределение («вплоть до отделения»), государственная независимость, свобода, демократия, нацизм, рабочий класс, социализм, коммунизм и т. д. и т. д. — все эти понятия и слова не только меняют, но приобретают прямо противоположный смысл в устах московских соратников Гитлера.

Когда-то большевистская диктатура обращалась к народам «через головы правительств»; когда-то голодная, босая, оборванная, кое-как снаряженная Красная Армия побеждала не столько оружием, сколько разлагаю-

шей врагов пропагандой; когда-то она шла в другие страны, чтобы «нести им социализм на острие штыков». То была иллюзорная, романтическая, авантюристская, зачастую преступная политика. Но то была политика искренней революционной идеи и веры. Теперь Сталин посылает армию, попрежнему называющуюся красной (слова изменили свой смысл!), не затем, чтобы ниспровергать в других странах отживший «социальный и политический строй», а затем, чтобы «уважать» его; не затем, чтобы «насаждать социализм», а затем, чтобы помогать смертельному врагу социализма; не затем, чтобы сеять семена «мировой революции», а затем, чтобы укреплять «безопасность» советской страны теми самыми методами захвата, насилия, военной оккупации, какими обеспечивает «безопасность» нацистской Германии Гитлер. Ни атома освободительной социалистической идеи, ни грана социалистических методов нет в этой политике, как нет их, поскольку можно судить по телеграммам газет и по радио-передаче, и в той речи Молотова, которую он 6 ноября «почтил» годовщину Октября и которая на самом деле была верхом надругательства над всем, чем жила и дышала октябрьская революция и чем она вовлекала в свой огненный круговорот десятки миллионов людей, измученных вековым угнетением, придавленных нищетой, истерзанных войною!

Конечно, сталинский большевизм является одним из законных детищ большевизма ленинского (другим является «троцкизм»). Но надо быть добровольным слепцом, чтобы не видеть непроходимой пропасти, отделяющей ленинскую политику романтической юности большевизма от сталинской политики его нацистско-собачьей

Р. АБРАМОВИЧ.

На разные темы

1. Механизированная ложь или правда?

Ложь не становится правдой от того, что ее часто повторяют. Это верно. Но она иногда начинает казаться правдой. Частое повторение определенной комбинации слов или мыслей создает у слушателей или читателей определенные ассоциации, вызывает, если хотите, привычные рефлексии. На этом построена вся современная реклама, на этом же покоится и вся техника современной тоталитарной пропаганды. Ленин, не имевший представления ни о современной психотехнике, ни об условных рефлексиях Павлова, своим чутьем демагога интуитивно нащупал эту истину, когда еще в период первого раскола призывал своих сторонников «настойчиво и терпеливо» «вдалбливать в головы» членов партии им изобретенные лозунги или характеристики. С тех пор и пропагандистская техника современных диктатур, от Агитпропа ВКП до министерства пропаганды Гебельса, необычайно развила и углубила метод повторения и «вдалбливания», доведя до виртуозности подмену критического суждения, которым пытается убедить своих последователей в свободной дискуссии всех мнений социалдемократия, нустанным механическим варьированием одной и той же «целевой лжи».

Единственным действительным средством борьбы против уничтожающей человеческую личность тоталитарной пропаганды является — будить работу духа и деятельность критической мысли. Необходимо разбивать гипноз механизированных формул и лозунгов, нужно вскрывать все противоречия и всю пустоту автоматиче-

старости, и полнейшего тождества этой сталинской политики с политикой Гитлера. Не от проводников и апологетов этой политики можно ждать, конечно, освобождающего слова, способного разрешить мучительный кризис рабочего сознания и рабочей совести! Это слово может сказать лишь классовый, марксистский, демократический социализм.

Может... Но скажет-ли? Вот — вопрос вопросов для всякого социалиста, думающего, как это обязан делать всякий социалист, о завтрашнем дне — не только своей партии и рабочего движения, но и всего мирового развития. Сколько бы ни бунтовал мнимый «практицизм» против якобы «абстрактной» и «доктринерской» работы мысли над всякими «анализами» и «тезисами», на самом деле нет более важной, практически важной работы для современного социалиста, чем работа над выяснением и оформлением классово-пролетарской программы войны и мира в современных условиях. Эта программа необходима не только самому рабочему классу, чтобы преодолеть разедающий его идейный и моральный кризис, разобраться в хаосе обрушившихся на него противоречий, твердо наметить свой путь и стать не рабом событий, а их хозяином и творцом. Она необходима и для того, чтобы довести нынешнюю войну до настоящей, полной, окончательной победы над всеми видами нацизма и над самой войной, чтобы дать наконец человечеству действительный и прочный мир. Ибо тысячу раз прав тов. Амедей Дюнуа, когда он в сегодняшнем номере «Популяр» напоминает: «мир будет социалистическим или его вовсе не будет!»

7 ноября.

ских ассоциаций, прививаемых «мнемотехникой» современной коммунистической или нацистской пропаганды. Ибо построить новое человеческое общество, создать новый строй социальной справедливости, братства и свободы нельзя на основе человеческого стада, слепо и нерассуждающе повинующегося «условным рефлексам», вызванными в нем, как у павловских рыб, неустанным повторением, искусственной пропагандой монополистической диктатуры. Этим путем можно создать, может быть, нечто вроде той каррикулы на социализм, какую полвека тому назад в своих книгах изображали ненавистники социализма типа Евгения Рихтера и др. Аракчеевские казармы, населенные тупыми, самодовольными, нерассуждающими рабами, хотя бы и сытыми, — это не тот идеал, к которому стремится социалистический пролетариат. Тот высший тип человеческого общежития, построить который стремится современный рабочий класс, связан с представлением о высшем типе человеческой личности, о человеке, который привык самостоятельно и критически мыслить, ум которого не задавлен шаблонными формулами и лозунгами, мораль которого не извращена софистикой современного маккиавелизма.

Русский большевизм, как и выросший из него современный коммунизм (не только не имеющий ничего общего с коммунизмом Маркса 40-х годов, но прямо ему противоположный по своей общей морально-идеологической концепции), учение не только в корне аморальное, маккиавелистическое и антидемократическое, но и

глубоко пессимистическое в своей социальной философии. Большевизм не верит не только в человека вообще, но и в пролетария, хотя официально в большевизме и коммунизме все построено на культе пролетариата. Уже Ленин в своем «Что делать?» открыто признал, что вся его организационная система «профессиональных революционеров» является ничем иным, как организованным недоверием к пролетариату, который сам-де, без руководства организации специалистов-революционеров, не в состоянии ни стать социалистическим, ни идти по пути осуществления социализма. Недоверие к пролетариату, глубоко пессимистическое представление о рабочем классе и обо всем человечестве, как о быдле, которое само, по своей доброй воле, по своему свободному усмотрению никогда не в состоянии будет добраться до более высокой ступени социального развития; которое кнутом надо гнать к социальному прогрессу; которое надо лишить свободы для его же собственной пользы; которое можно привести к благополучию и благосостоянию только при помощи насилия и систематического обмана, — вот та социальная философия, на которой на деле, независимо от официальной, насквозь фальшивой идеологии, построен современный коммунизм. Это по существу та же морально-политическая концепция, которая лежит в основе современного фашизма.

Вся «воспитательная» работа Коминтерна за 20 лет его существования именно в том и состояла, чтобы в европейских коммунистических партиях, выросших в большинстве случаев из социалдемократического рабочего движения, десятилетиями впитавших в себя принципы демократии и свободы личности, вытравить и выкорчевать все те слои и элементы, которые так или иначе еще «заражены» этими принципами и не могут освободиться от их власти. Систематически отрубались и

отсекались от европейского коммунизма все те слои, группы, отдельные лица, которые не воспринимали тоталитарного символа «слепой веры», которые пытались рассуждать, проявлять критику, творческую инициативу, которые отказывались слепо подчиняться, требовали объяснений, находили противоречия, критиковали и пытались говорить с Москвой, как равные с равными. В результате, европейский коммунизм, который почти нигде не мог пустить глубоких массовых корней, превратился в простой нерассуждающий придаток к Москве, не имеющий никакой самостоятельной жизни. В нем, после всех бесчисленных чисток, оставляя в стороне платных агентов или своеобразных «попутчиков», остались лишь те элементы рабочего класса, которые раз навсегда прияли божественную роль Москвы, которые в чисто-религиозном преклонении перед мудростью и непогрешимостью Сталина, заранее согласны считать за непререкаемую истину все, что им будет приказано из Кремля.

2. Почему гитлеризм привел к войне?

Морально-идеологическое банкротство Коминтерна и московского большевизма возлагает сейчас особо-ответственную задачу на демократический социализм. Но для того, чтобы оказаться на высоте этой исторической задачи, социализм сам должен освободиться от ряда шаблонов и лозунгов, которые либо никогда не были додуманы до конца, либо давно потеряли свой первоначальный смысл и значение и не становятся правдой от неустанного некритического повторения.

«Гитлеризм — это война!» К этому сознанию международный социализм пришел уже давно и всеми силами стремился использовать это предвидение как аргумент против фашизма. Кто не хочет войны, тот должен, для предотвращения новой мировой бойни, стремиться

С. ШВАРЦ.

Украинско-белорусская „весна“

События развертываются с кинематографической быстротой. 17-го сентября советские войска вторглись в Польшу. В это время польская армия истекала кровью в боях с подавляющими силами Гитлера, и расположенные в восточной половине Польши незначительные польские военные части, дезорганизованные и дезориентированные событиями на западном фронте, почти не оказали сопротивления советским войскам. Это впрочем не помешало советской печати в тонах самого безудержного и постыдного бахвальства писать о беспримерных военных «подвигах» советских «героев». Вся восточная Польша была занята советскими войсками в течение нескольких дней, и в сущности только вокруг Вильны на севере и вокруг Львова на юге разыгрались относительно значительные бои. В начале октября советским войскам оставалось выполнить лишь совсем легкую задачу — задачу уничтожения последних очагов польского сопротивления в лесах (на современном советском полицейском языке это называлось борьбой с польскими «бандитами»).

В первых числах октября «временные управления» Львова и Белостока выдвинули мысль о созыве «Народных Собраний Трудящихся» Западной Украины и Западной Белоруссии. 22-го октября уже состоялись выборы в оба Собрания. 26-го октября открылось в Львове Народное Собрание Западной Украины (к этому времени его первоначальное название «Народное Собрание Трудящихся» было забыто) и 28-го оно уже за-

кончило свою работу. С 28-го по 30-ое октября заседали в Белостоке Народное Собрание Западной Белоруссии. Пройдет еще немного дней, и вопрос о присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии к Украинской и Белорусской ССР будет оформлен постановлениями Украинского, Белорусского и Всесоюзного Верховных Советов. Руководители советской политики явно торопятся закончить поскорее процесс аграрной и национальной революции, развернувшийся в украинских и белорусских областях, входивших до сих пор в состав Польши.

Для избирательной кампании, для выборов, для работы «советских парламентов» в СССР уже выработался определенный трафарет, и сейчас в Западной Украине и Западной Белоруссии все прошло по этим освещенным опытом образцам с рядом характерных особенностей. Все было разыграно, как по нотам. Но эта казенная и такая благополучная внешность лишь плохо скрывает противоречивость и сложность процесса формирования общественных сил, происходящего сейчас в «освобожденных» областях.

Присмотримся ближе к событиям этого западно-украинского и западно-белорусского «Октября». Для недавней избирательной кампании характерна прежде всего одна черта: выборы в Народные Собрания были назначены и проведены без создания на местах каких-либо местных демократических органов самоуправления. Правда, в деревнях — часто уже при приближе-

уничтожить нацизм во всех странах. Правда, вытекающая отсюда политическая директива — превентивная революция в нацистских странах на предмет предотвращения войны — имела чисто теоретическое и пропагандистское значение. Его практическая ценность приближалась к нулю, ибо только в порядке чуда германский или иной пролетариат мог бы вдруг приобрести силу и организацию, способную в условиях мирного времени (ведь дело идет о предупреждении войны!) совершить успешную революцию против тоталитарного террора Гестапо. Тем не менее, формула: «Гитлеризм — это война» отражала действительное историческое развитие и, как мы все видим сейчас, не только в виде какой-то отдаленной и туманной тенденции, но как совершенно реальную и близкую действительность. Однако, если бы мы захотели ближе присмотреться к тем аргументам, которые приводились в доказательство этого тезиса, то мы бы увидели, что единственно логичной и правильной оказалась та сумма доводов, которая видела сущность современного нацизма в агрессивных империалистических тенденциях побежденных в прошлой войне или неудовлетворенных стран. Только тот, кто твердо усвоил себе представление, что в том сложном комплексе социально-экономических, классовых, национальных, культурно-психологических, политических, государственных и иных интересов, тенденций, противоречий, каким является современный нацизм, основным, определяющим, доминирующим является подавленные или неудовлетворенные империалистические аппетиты господствующих классов, стремление к «черному переделу» мира в интересах «обделенных» наций, — только тот мог с уверенностью предсказать, что длительное мирное существование лихорадочно вооружающегося германского национал-социализма с «насыщенными» мировы-

ми империями Великобритании и Франции немислимо,

*) Не случайно, что даже тезисы Бауэра-Дана-Жиромского, подходящие к действительности более сложно, построены целиком на «варианте» войны гитлеризма против коалиции, в которой решающей силой и основным врагом Гитлера является Сов. Союз. — Подробнее об этом я писал в декабре 1935 г. (№ 23/24).

нии советских войск — возникли всюду крестьянские комитеты, первичные органы крестьянского революционного самоуправления, и комитеты эти сыграли значительную роль и в избирательной кампании. Но оккупационные власти всюду приняли энергичные меры к тому, чтобы не допустить возникновения из этих зачатков крестьянского самоуправления демократических областных органов. Больше того: крестьянские комитеты были всюду подчинены «руководству и контролю» созданных в городах оккупационными властями (т. е. армией) авторитарных органов — «временных управлений». В руках временных управлений — городских, а вскоре и областных — сосредоточилось и все руководство избирательной кампанией.

В Советском Союзе во время избирательных кампаний местные органы компартии и комсомола, профсоюзы и фабзавкомы и многочисленные советские «общественные организации» принимают энергичное участие в созыве избирательных собраний, в выставлении кандидатов, в организации избирательной агитации и т. д. Правда, вся эта «организованная советская общественность» превратилась в Советском Союзе лишь в прикрытие для безудержного господства коммунистического партийного аппарата, построенного к тому же на авторитарных началах. В присоединенных сейчас к Советскому Союзу областях аналогичная практика была бы сейчас еще невозможна. Как ни резко были выражены антидемократические черты в польской политике с 1926 года, Польша никогда не опускалась до уровня тоталитарного деспотизма и демократическая традиция не могла быть здесь окончательно вытравлена. И если бы местные общественные, а тем более рабочие организации могли бы

сколько-нибудь свободно проявить себя в избирательной кампании, на выборах неизбежно прорвалась бы свободная демократическая струя, находящаяся в таком глубоком противоречии с господствующим в СССР режимом тоталитарной диктатуры.

Чтобы этого избежать, в «освобожденных» областях были не только разгромлены все политические, демократические и особенно социалистические организации, но пока не признаны и не восстановлены даже местные организации компартии, распущенной в Польше распоряжением Коминтерна весной прошлого года. Это не значит, конечно, что в Западной Украине и Западной Белоруссии вообще не будут созданы организации компартии. Это еще придет, после того как здесь несколько остынут «весенние» настроения и когда здесь соберутся в достаточном числе хорошо «дисциплинированные», т. е. воспитанные в духе беспрекословного послушания начальству, сталинцы из Советского Союза, которые сумеют обеспечить твердое «руководство» в новых организациях. Но до тех пор еще должны по возможности быть разрешены все жгучие вопросы и создан ряд «совершившихся фактов».

С профсоюзами трудности оказываются гораздо более значительными. Профсоюзы встречаются всюду и их нельзя было просто распустить распоряжением из Москвы. Временные управления, как правило, пытаются не замечать профсоюзов, но это оказывается иногда нелегко. Даже московское радио вынуждено было как-то отметить (18-го октября), что в одном из городов Западной Белоруссии «группа враждебно настроенных профсоюзников» пыталась принять участие в избирательной кампании, но «желтые профсоюзники» были, конечно, быстро приведены к молчанию. В Запад-

перестают твердить об «империализме» и «национализме», совершенно не отдавая себе отчета в истинном смысле этих понятий и в их социальном и классовом содержании.

Нужно ли доказывать, что в этой якобы «классовой» и «марксистской» постановке вопроса на самом деле не было ни грама действительно марксистского метода? Внутренняя противоречивость этого подхода и — доказанная действительным ходом дел — полная несостоятельность построенных на нем прогнозов происходила, как легко видеть, из совершенно примитивного, крайне упрощенного и потому совершенно неверного, антимарксистского понимания классовой борьбы и классовых интересов. Грубо-материальные, непосредственно эксплуататорские, так сказать, зоологические методы выколачивания прибавочной стоимости из бесправного, полуголодного пролетария давно уже уступили место в современном капитализме бесконечно более рафинированным, сложным и косвенным способам обогащения. После гильфердингского «Финансового Капитала», который тщетно пытались «углубить» книжки Ленина и Бухарина об «Империализме» — в основном, кстати, рабски копировавшие изруганного ими Гильфердинга —, как-то неловко доказывать это марксистам, которые не

Опыт последних месяцев доказал это с неопровержимой, исчерпывающей убедительностью.

3. В каком смысле нынешняя война является империалистической?

ной Украине временным управлениям удалось кое-где заручиться в избирательной кампании поддержкой профсоюзников. Но случаи эти единичны и, кажется, почти всегда речь идет лишь о новоиспеченных профсоюзниках. Характерен в этом отношении опыт Львова.

Львов был, может быть, единственным крупным центром в Польше, в котором никогда не умирала в профессиональном движении известная коммунистическая традиция. Правда, основную массу львовских квалифицированных рабочих издавна составляли симпатизировавшие КПС поляки, безраздельно господствовавшие в союзах металлистов, строительных рабочих, железнодорожников, транспортников и др. и составлявшие громадное большинство львовского профессионально организованного пролетариата. Но евреи, занятые главным образом в производстве одежды и обуви, и необученные рабочие-украинцы находились под сильным коммунистическим влиянием (Львов был единственным крупным городом в Польше, в котором Бунд долго совсем почти не имел сторонников среди еврейских рабочих), и влияние это сильно сказалось и в соответствующих профсоюзах, и некоторые из них, как, напр., украинский союз необученных рабочих, не входили даже в львовский совет профсоюзов. События последних недель должны были, конечно, значительно ослабить влияние в львовских профсоюзах социалистов-поляков. Но даже и после этого во главе Львовского совпрофа оказался не львовский коммунистический профсоюзный работник, а привезенный в обозе советской армии Грин. Грин жил, правда, более 10 лет назад в Львове и работал здесь в качестве коммунистического агитатора. Но ни с Львовом, ни тем более с львовским профдвижением он никакой связи не сохранил, да и в

эмиграции оставался совершенно чужд профессиональному движению и всегда был лишь послушным и лишенным всякой самостоятельности сталинским чиновником. Что такой человек оказался (как, лучше не спрашивать) во главе профдвижения такого крупного и культурного центра, как Львов, и мог выступать на избирательных собраниях от имени львовского организованного пролетариата, уже само по себе достаточно красноречиво характеризует «политику» оккупационных властей по отношению к рабочим организациям в «освобожденных» областях.

Но, чураясь рабочих организаций, временные управления с тем большей энергией сотрудничали в избирательной кампании с воинскими частями. В эти недели роль советских войск в общественно-политической жизни Западной Украины и Западной Белоруссии была вообще очень значительна, и тем более велика была она в избирательной кампании. Солдаты и офицеры красной армии всюду — и особенно в деревнях — выступали в качестве агитаторов и организаторов. В Западной Белоруссии в начале избирательной кампании командиры красной армии выдвигались даже кое-где в качестве кандидатов в Народное Собрание и считалось чем-то само собой разумеющимся, что оккупационная армия будет принимать на общем основании участие в выборах в западно-белорусское Народное, т. е. Учредительное Собрание. В Западной Украине с ее более высоким уровнем общественно-политической жизни с самого начала поняли, каким уродством явилась бы эта практика, и Положение о выборах в Народное Собрание Западной Украины определенно оговорило, что право участия в выборах принадлежит лишь гражданам Западной Украины. С некоторым опозданием до

Вот о чем шла речь, если расшифровать политически, а не формально-«логистически» формулу об «империалистической войне». Что из этого политического комплекса сохраняет еще силу для настоящей войны? Ровным счетом ничего. Война, вызванная сопротивлением против гитлеровской агрессии и его планов насильственного господства над Европой, начата с одобрения и согласия социалистического пролетариата всех стран (до советско-германского пакта от 23

этого додумались и в Западной Белоруссии, и выставленные уже было военные кандидаты незаметно исчезли из кандидатского списка, а официальное сообщение о состоявшихся выборах особо подчеркнуло, что армия не принимала в выборах участия.

**
*

Избирательная кампания без участия в ней даже и «единственной политической партии» исключала возможность организации выборов под ставшим традиционным в Советском Союзе лозунгом «блока коммунистов и беспартийных». Вместо этого «блока» в избирательной кампании в Западной Украине и Западной Белоруссии был выдвинут лозунг «народных выборов». В Западной Украине с ее интенсивным национальным движением под лозунгом народных выборов действительно произошло сплочение демократически настроенной украинской общественности. Три имени среди львовских депутатов заслуживают с этой точки зрения особого внимания, это имена профессоров Студинского и Панчишина и композитора Барвинского. Все трое — представители семей, принадлежащих к украинской интеллигентской элите, из которой вышло много деятелей украинского национального движения. Младшие представители этой элиты уходили в национально-активистские группы (один из Панчишиных, — кажется, племянник тепершнего депутата, — принимал участие в покушении на Пильсудского во время приезда его в Львов в 1923-ем году) и очень редко примыкали к коммунистам. Старшее поколение сосредоточивало свою общественную активность на национально-культурной работе. Имена

августа беспощадного отпора тоталитарным агрессорам требовал и весь коммунистический пролетариат, во главе с Коминтерном). Но организованный рабочий класс не только несет ответственность за войну, он в ней активно участвует на стороне анти-гитлеровской коалиции; он организует все для победы союзников и к этой победе всеми силами стремится, и не может не стремиться, ибо победа гитлеровской Германии над демократически странами будет означать не просто перемещение границ между принципиально равноценными, с точки зрения пролетариата, а установление международного нацизма во всей Европе, а следовательно, полную смерть демократии, социализма, рабочего движения. Нынешняя война, в отличие от прошлой, не является, поэтому, «спором (капиталистических) славян между собою». Пролетариат в ней не нейтральная сторона, а участник. Его стремление не сводится также и к тому, чтобы закончить войну как можно скорее, без победителей и без побежденных: наоборот, он решительно выступил против предложенного Гитлером и Сталиным «мира» на основе посентябрьского «статус кво», и будет и впредь настаивать на полном разгроме гитлеризма.

Называть эту войну «империалистической», можно только, прячась за устаревшую и двусмысленную формулу и подменяя вопрос о целях, политическом смысле и социальном содержании войны вопросом о мотивах войны у некоторых классов. Да и то, даже по отношению к мотивам это верно лишь, как чисто-формалистическая и моралистическая конструкция, игнорирующая чрезвычайно реальное различие между исторически сложившимся в течение долгого периода государственным образованием с его консервативным «империализмом» и агрессивным динамизмом «неудо-

Студинского и Панчишина (тепершних депутатов) не раз назывались во время разгрома «буржуазно-националистических гнезд» в Советской Украине и за предполагаемую связь с ними люди еще недавно посылались в Советском Союзе на расстрел. Среди обвинений, выдвинутых в свое время против Скрыпника, далеко не последнее место занимало выступление его во время его поездки в Львов с докладом в Товариществе имени Шевченко, одном из старейших украинских культурных обществ, многолетним руководителем которого был профессор Студинский. Сейчас Сталин заключил мир со Студинскими и Панчишиными, чтобы обеспечить себе сотрудничество украинской демократической интеллигенции. Этот мир следовало бы приветствовать, если бы можно было верить в его прочность. Но и сами Студинский и Панчишин, вероятно, не имеют на этот счет иллюзий. Прошло немного дней, и Студинский уже испытал на себе тяжелую руку сталинского деспотизма. При открытии Народного Собрания Западной Украины Студинский в качестве старейшего депутата произнес речь, в которой с большим подъемом изложил революционные требования, сформулированные в наказах избирателей (см. ниже), но не упомянул о «партии Ленина-Сталина» и не закончил восхвалением Великого и Мудрого. И уже на следующий день он должен был огласить в печати заявление, в котором подчеркнул свое восхищение «руководством партии Ленина-Сталина», ведущей народы Советского Союза к коммунизму. Если Студинский и Панчишин не пойдут по этому пути до конца, их в лучшем случае ждет в близком будущем замаскированная ссылка под видом перевода для научной работы в Киев.

влетворенных» претендентов на мировую гегемонию, стремящихся «переделить» мир путем насильственных завоеваний. Ведь если этой разницы не учесть, то вообще исчезает понятие «агрессии», еще совсем недавно лежавшее в основе всей социалистической политики мира и коллективной безопасности и так старательно сформулированное в Женеве трудами советского правительства и его представителя Литвинова. Ведь если стать по отношению к государствам на прудоновскую точку зрения, что «собственность есть воровство», и вспомнить, что почти все государства развивались путем завоеваний, то где же разница между агрессией и законной обороной? Если оборона своей собственной государственной границы от нападения является таким же империализмом, как и нападение на чужую территорию, на том только основании, что подвергшееся нападению государство само когда-то эту или другие территории завоевало силой, — то как, например, поступить с Турцией, которая, как известно, в ее занимаемые ею сейчас области захватила силой оружия в свое время? И не явится ли сопротивление Сов. Союза

нападению Японии в Приморской области, или вторжению какой-либо другой державы на Кавказе точно таким-же империализмом, принимая во внимание, что и Амурская область и Кавказ были, как известно, присоединены к России насильственными вооруженными действиями русских царей? И если бы, например, у Молотова сохранилось хоть минимальное уважение к своим слушателям, он бы в своей речи от 6 ноября постыдился бы, вспоминая хотя бы политику советского правительства в вопросе Восточно-Китайской жел. дороги, играть софизмами об «империалистической войне», изображая гитлеровскую Германию, как невинную жертву «агрессии» Польши и «капиталистических поджигателей войны», поддерживаемых-де Блюмом и Эттли.

Устрашающий пример Молотова должен явиться предостережением для тех, кто увлекается формальной конструкцией об «империалистической войне», не принимая во внимание всей совокупности реальных политических и международных условий, совершенно отличных сейчас от эпохи 1914-18 годов.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Голоса современников

Радикальный поворот во внешней политике советского правительства, фактически сделавший возможным гитлеровское нападение на Польшу, застиг даже официальную писательскую общественность совершенно врасплох. Маститые писатели в то время еще доживали последние денечки летних каникул на курортах Крыма и Кавказа, сочетая отдых с участием на съезде писателей Армении и с мирным изучением памятников армян-

ской и грузинской культур. Писатель-средняк задумчиво и нервно покусывал перо, в сотый раз обдумывая давно возвешенные «творческие замыслы»: писать становилось опять труднее, так как вновь — после краткого перемирия — Катоны от критики стали донимать писательскую братию...

Совето-германский пакт был для подавляющего большинства писателей громом из ясного неба. Августовские

Программа работ Народных Собраний Западной Украины и Западной Белоруссии с полной определенностью выяснилась уже во время избирательной кампании. На первый взгляд это может показаться неожиданным: откуда, казалось бы, возникнуть избирательной программе, если избирательная кампания протекает без участия в ней каких-либо общественных и политических организаций? В действительности однако всюду выдвигалась вполне определенная и всюду одна и та же программа, тождественная для обоих Народных Собраний. Отдельные избиратели предлагали ее от себя, точно они вот-вот ее сами выработали. И инкто не решился открыто сказать о происхождении этой программы. Это было не очень возвышающее зрелище, но его режиссерам, привыкшим к такого рода избирательным инсценировкам, может быть, даже в голову не пришло, что в этих методах избирательной кампании есть какой-то унизительный элемент.

Избирательная программа всюду содержала три требования: присоединения Западной Украины (или соответственно Западной Белоруссии) к Украинской (или Белорусской) ССР, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, национализации крупной промышленности и банков. Нужно сказать прямо: осуществление этой программы имеет громадное, историческое прогрессивное значение. Но даже и этот прогресс поставлен на службу советской великодержавной — или, употребляя современный термин, империалистической — политики, и там, где интересы политического и культурного прогресса вступают в коллизию с великодержавными интересами советского государства, первые

неизменно приносятся последним в жертву. Особенно отчетливо это сказывается в национальном вопросе. На этом вопросе необходимо остановиться несколько подробнее.

В значительной части занятых советскими войсками областей Польши действительно численно решительно преобладают украинцы или белоруссы. Этого почти не может скрыть даже и официальная статистика (в странах с напряженными национальными отношениями официальная статистика национальностей почти всегда дает искаженную картину, более благоприятную для господствующей национальности, чем это отвечает действительности). Советская оккупация распространилась в Польше на 8 «воеводств»: четыре «восточных» — Виленское (часть отошла к Литве), Новогрудское, Полесское и Волынское, три (из четырех) «южных» — Львовское (не все), Тернопольское и Станиславское и одно «центральное» — Белостокское (не все). По данным последней польской переписи населения (1931 года) население этих областей группировалось по языку следующим образом:

Воеводства	Населен. в тысяч.	Распределение населения по языку (в процентах)				
		Поль- ский	Украин- ский	Бело- русск.	Еврей- ский	Друг.
Виленское	1.276	59,7	0,1	22,7	8,5	9,0*)
Новогрудское	1.057	52,4	0,1	39,1	7,3	1,1
Полесское	1.132	14,5	4,8	6,6	10,0	64,1**)
Волынское	2.086	16,6	68,4	0,1	9,9	5,0
Львовское	3.127	57,7	34,1	—	7,5	0,7
Станиславск.	1.480	22,4	68,9	—	7,4	1,3
Тернопольское	1.600	49,3	45,5	—	4,9	0,3
Белостокское	1.644	71,9	0,2	12,5	11,9	3,5

*) В том числе для 5,5% литовский.

***) В том числе для 62,5% «тутейший».

номера литературных журналов, материал которых сдан был в печать до подписания пакта, повидимому, так и не увидят света. И немудрено: материал этот, частично состоявший из внутренне-бессодержательной, но шумной «антифашистской» декламации, с подписанием пакта оказался глубоко «несозвучен эпохе».

Целых три недели молчали писатели — факт небывалый в истории официальной советской общественности. Это молчание зачтется в актив писателей...

Увы, оно было прервано 17-го сентября в день вступления Красной Армии на территорию Польши. Молчание прорвалось шумными откликами о «крыльях истории», коснувшихся слуха писателей, о «дыхании» истории, о славе русского оружия, пришедшего на помощь братьям-славянам. Но как ни бедны по своему содержанию эти высокопарные свидетельства современников, как ни оказана их форма — они все-таки различны по своему звучанию... Именно это различие в звучании и нужно проанализировать.

Официальная писательская общественность, уже со времен убийства Кирова выступающая во вне, как единая и замкнутая корпорация, на самом деле продукт очень сложного социального отбора и очень напряженной внутренней борьбы. Официально «ведущими» в ней признаются писатели-коммунисты. На самом деле руководство в ней принадлежит писателям «попутчикам», тем из них, которые в силу различных причин не только уцелели во время бури и натиска эпохи пятилетки, но ухитрились именно в эти годы окрепнуть и развернуться (А. Толстой, Л. Леонов, В. С. Иванов, В. Каверин, О. Форш и т. д.). Путь, пройденный этим поколением писателей, выходящих из буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, далеких вначале от всякой политики и кончивших полной, стопроцентной акклиматизацией в системе сталинской диктатуры, будет, вероятно, занимать не одно поколение исследователей. Нам, современникам, важно

установить один решающий факт: приближение (а отнюдь не только приспособление!) этих писателей к советской власти совпало с осознанием ими экономических результатов пятилетки. Впервые эта сторона деятельности советского правительства удовлетворила их, как бы игнорируемые революцией, национальные и интересы и вожделья. Как некогда во времена нашествия варваров на Рим римские папы, так в русской революции остатки буржуазной интеллигенции, чувствовали себя живыми хранителями идей нации и культуры. Они глубоко страдали от «базарщины» Коминтерна, считали «чушью и болтологией» всю философию внешней политики, направленной на то, чтобы «на свою орбиту народы сворачивать». В их представлении внешняя политика в основном должна была быть направлена на то, «чтобы нам в рожу не плевали, как плевали царю, как продолжают плевать им» (т. е. коммунистам).

Настроения эти были очень популярны не только в старшем поколении спесовской и писательской интеллигенции, но и в той советской смене, которая на излете нэпа еще грызла гранит науки в высшей школе, куда она, вследствие своего «непролетарского» происхождения, попала с великим трудом.

Индустриализация страны впервые живо затронула национальные струны в складывавшейся верхушке общества. При всем этом она оставалась национально неудовлетворенной: нация осознается и цементируется не столько на путях внутренней, сколько на путях внешней политики. Курс на сближение с буржуазными демократиями удовлетворял верхушку только отчасти: нельзя забывать, что молодое поколение советского общества инстинктивно не любит Европы, ее не знает и немного побаивается; советское евразийство — не столько философия, сколько воздух этой верхушки общества.

При всем том германо-советское соглашение к чести

Эта статистика несколько ретуширует в пользу польского языка картину языковой группировки населения, что особенно сказалось в восточных областях, где крестьяне часто не решались заявлять себя при переписи белоруссами, а нередко, может быть, и сами не знали, что язык, на котором они говорят, белорусский (см. огромный процент говорящих на «тутейшем» языке в Полесье). В статистике этой и часть еврейского населения оказывается польской, так как евреи, принадлежащие к верхним, «ассимилированным» слоям, особенно в южных областях, нередко своим основным языком показывали польский. В действительности процент непольского населения в этих областях еще значительно, чем показано в приведенной выше таблице, и преобладание украинцев и белоруссов в большей части этой громадной территории, особенно после отделения от нее частей, отошедших к «зоне государственных интересов» Германии (части Белостокского и Львовского воеводств) и к Литве (часть Виленского воеводства), не вызывает сомнений. Исключение составляет Белостокское воеводство, значительная часть которого едва ли может быть названа белорусской. Да кое-где и в других областях при честном национальном разграничении территорий, вероятно, необходимо было бы внести некоторые коррективы в пользу Польши. Если война закончится, как этого можно ожидать, переустройством Европы на новых, более совершенных основах, причем, конечно, должна быть восстановлена Польша, как свободное и демократическое государство, вопрос о национальных границах в довоенной восточной Польше должен будет подвергнуться пересмотру в целях

возможно большего обеспечения и взаимного согласования польских, украинских, белорусских и других национальных интересов.

Что касается советского правительства, то для него аргумент о «национальном освобождении» украинских и белорусских «братьев» является прежде всего лишь средством для достижения его великодержавных целей. Этой цели подчиняется сейчас вся политическая публицистика Советского Союза, и Польша стала сейчас для советской печати просто «панской Польшей», в которой кроме «помещиков и капиталистов» точно и не было поляков. Понадобился приезд в Москву делегации Народного Собрания Западной Украины, чтобы с высокой московской трибуны напомнили о польских трудящихся массах, как это сделал в своей речи в Верховном Совете СССР профессор Панчишин, и о солидарности украинских, польских и еврейских рабочих, о чем говорила — по-польски! — в том же заседании Верховного Совета СССР львовская работница Кузьминская. Точно струя свежего воздуха ворвалась в казенную атмосферу московского «парламента».

Яркой иллюстрацией прикладного характера национального аргумента в устах советского правительства может служить пример Вильны: в прошлом номере «Социалистического Вестника» уже сообщалось, что 7-го октября на «всенародном» митинге в Вильне было единогласно постановлено добиваться присоединения Вильны и Виленского края к Белорусской ССР. Еще 10-го октября в полдень московское радио подробно сообщало о борьбе с польскими «офицерами» в белорусской Виленщине. Но представители Литвы, которые вели в

советского общества и его писателей оказалось тем булыжником, освоить который до сих пор отказывается их сознание. Этого пакта стыдятся, даже слова «германский», «немецкий» — избегают употребить или произносят точно скороговоркой.

Совсем иначе обстоит дело с последствиями германо-советского соглашения. Писательская общественность, отражая настроения советской элиты — не скрывает своей радости, что это соглашение пока дает Советскому Союзу возможность оставаться нейтральным, в нейтралитете ловко подбирая плохо лежащие «куски». Лучше других эти настроения отразил А. Толстой в статье, которую за неимением русского подлинника приходится цитировать по Базельской «Рундшау»: «Мудрое советское правительство уберегло нашу страну от участия в схватке империалистов друг с другом. Мы нейтральны. Но наш нейтралитет не нейтралитет буржуазных стран, которые спекулятивной торговлей с народами, проливающими кровь, обогащают свои карманы. Мы нейтральны на советский лад». Глубоко симптоматично то, что эту же мысль проводит в передовой статье от 27-го августа орган русских фашистов в Берлине «Новое слово»: он в восторге от того, что «благодаря заключению пакта между Германией и СССР, народы нашей родины предохранены от массового истребления в войне. Силы, которые мировая демократия и масоно-капитализм хотели бросить на защиту своего обветшалого мира, понадобятся в процессе строительства новой Европы. Обходя стыдливым молчанием позорный пакт, господ Толстие с тем более шумно умиляются живучести традиций «мирного» русского ушкунничества.

Было бы, однако, упрощенно думать, что вся писательская общественность разделяет взгляды Толстого. Внутри этой корпорации имеется немало представителей той молодой демократической и плебейской интеллигенции, которая выдвинулась только в ходе самой

это время переговоры в Москве с советским правительством, категорически потребовали присоединения Виленского края к Литве, не соглашаясь иначе подписать договор, заключения которого добивалось советское правительство. И советское правительство уступило, и в ночь с 10-го на 11-ое октября Виленщина стала литовской.

Энергично аргументируя «национальным освобождением», советское правительство принимает решительные меры к тому, чтобы поскорее потушить пламя национальной революции. Это ярко сказывается во всей административной практике в «освобожденных» областях. Заслуживает внимания, что о конституировании Западно-Украинской и Западно-Белорусской Советской Республики публично никто ни во время избирательной кампании, ни в Народных Собраниях ЗУ и ЗБ не посмел даже и заикнуться, хотя в качестве переходной меры на несколько лет такое решение несомненно отвечало бы интересам постепенного приспособления ЗУ и ЗБ к новым для них условиям экономической и социальной жизни, как они сложились в Советском Союзе. Ведь советское правительство и само не считает возможным непосредственное распространение на новые области всего действующего в СССР законодательства, и постановления Народных Собраний ЗУ и ЗБ говорят, например, лишь о национализации крупной промышленности и банков, но не затрагивают мелкой промышленности, ремесла и торговли (привозимые в большом количестве из СССР в ЗУ и ЗБ товары поступают здесь в продажу — по предписанным ценам — в частную торговлю), говорят о конфискации земель помещиков,

революции. Она пришла с окраин прежней жизни, ранняя юность ее совпала с гражданской войной. Уж по всему этому она не может думать и чувствовать, как Толстой. Как раз незадолго до последних событий среди этой писательской группировки назревал новый морально-политический кризис. «Фартовые годы» остались далеко позади, молодость проходит, жизнь последних лет — «счастливая и зажиточная» — была в общем мало подходяща для воспевания нищего порыва юности. Вступление Красной Армии в Польшу воспринято ими сейчас как «нечаянная радость», как возможность «тряхнуть стариной». Запасшись корреспондентскими билетами от редакций различных газет и журналов, многие из них выехали в занятые области. Их речи, очерки передаются по радио по всему Союзу. Вот у микрофона Белостока поэт Алексей Сурков. Он пришел в литературу когда-то искренно взволнованный: «Мне хочется петь о простом и великом. По честному петь, не кривляться, не врать. Но песня ложится на пыщенным криком в глухую, как зимняя полночь, тетрадь». Увы, белостокские отклики Суркова это сплошной «напыщенный крик» — о великом, гениальном, любимом и т. д. и т. д. «освободителе» угнетенных «братьев».

Самое тягостное в выступлениях писателей типа Суркова — основное впечатление, которое перекрывает и дифирамбы гениальному отцу народов и патриотическое бахвальство и неумные похвалы «нашей доблестной и непобедимой»: это торопятся приложиться к «земле» внутренне опустошенные люди, микроскопические Антеи, надеясь набраться здесь настроения и впечатлений, к которым они уже неспособны на своей большой, истощенной и хмурой родине.

Так те писатели, которые по своему прошлому могли бы, казалось, противостоять социально-психологическому перерождению советского общества — бес-

монастырей и крупных чиновников, но ни словом не упоминают о колхозах и МТС. Но мысль о сплочении западно-белорусских и тем более западно-украинских областей в какое-то автономное единство вызывает тревогу в руководящих кремлевских кругах: новые области могли бы поколебать «жесткую» практику «сталинской» псевдо-конституции, так как, принимая эту конституцию всерьез, они естественно пытались бы придать ей реальный характер. Ну разве можно было идти на такой риск?

Больше того: боязнь сплочения «освобожденных» областей заходит так далеко что даже и в рамках Украинской и соответственно Белорусской ССР новые области не будут объединены никакими общими органами, и связь отдельных западно-украинских (или западно-белорусских) областей друг с другом будет не больше, чем связь их с прочими украинскими (или белорусскими) областями. Но и этого мало: Народные Собрания ЗУ и ЗБ закончили свою работу, не создав никакого временного руководящего органа для ЗУ и соответственно для ЗБ, и «вся власть» в «освобожденных» областях впредь до организации здесь нормальных советских органов остается в руках «временных управлений»

Обо всем этом впрочем ни во время избирательной кампании, ни в Народных Собраниях говорить не полагалось. Вместо того все настойчивее ведется в «освобожденных» областях пропаганда культуры вождя, друга, отца, солнца, сердца — Сталина-Освободителя. В Советском Союзе к этому уже привыкли. «Освобожденных братьев» к этому нужно еще приучить.

сильными щепками несутся в водовороте страшной стихии. На практике они то и поставляют обрывки революционной фразеологии, которой скрепляется возрождающаяся русская великодержавность. Голоса их сливаются с хором литературных шавок и маркиганток, которые живут в обзолах всех армий, услаждая слух «победителей». Образчиком «творчества» этих маркиганток может служить фельетон Е. Кригер «Лейтенант Ефимов» («Известия» от 15-го октября). В два дня сему доблестному «паньчу

лейтенанту», случайно попавшему в Львов, удалось будто бы преобразить разоренный город. По его инициативе убраны палые лошади с мостовых, исправлены троттуары, пущена в ход фабрика и осуществлен союз с интеллигенцией, закрепленный разысканными Ефимовым для физиологического института морскими свинками. Не знали и не гадали Ильф и Петров, создавая Остапа Бендера, что живой прототип этого советского Хлестакова распустится таким пышным чертополохом на залитой кровью почве далекого Львова.

А. ЮГОВ.

Блокада и недостаток сырья в Германии

Уже опыт войны 1914-1918 гг. показал большую роль экономической блокады в системе военных мероприятий воюющих стран. Но в те годы задачи блокады сводились, главным образом, к дезорганизации промышленного хозяйства противника и к ухудшению снабжения населения. Своеобразные условия настоящей войны, когда с первых же недель она приняла характер «позиционной войны», когда ни одна из воюющих сторон не берет на себя инициативы наступления, заставляют думать, что роль блокады будет более значительной, более решающей. Блокада, как показал опыт первых месяцев войны, может оказаться одним из наиболее динамичных, наиболее наступательных методов современной войны. Она в значительной мере может определить и исход войны и ее продолжительность.

Руководитель хозяйства Германии Геринг, автор так назыв. «четырёхлетнего плана», в 1938 году самоуверенно утверждал, что «Рейху не страшна никакая блокада» и что «под руководством Гитлера он может вести хоть «тридцатилетнюю войну».

Уже первые два месяца войны и первые же мероприятия по проведению блокады показали на практике всю ее эффективность. Обнаружился явный недостаток в Германии промышленного сырья и продовольствия.

Германия, как ни одна из великих держав, уязвима в отношении блокады. Территория Германии расположена в центральной Европе, она имеет лишь немногочисленные выходы на океанские пути, при этом эти порты и эти проливы в полной мере контролируются воюющими с нею государствами.

Недостаток в Германии почти всех основных видов сырья, необходимых для организации производства вооружения, ставит Германию в полной мере в зависимость от импорта. Государства, с которыми она имеет непосредственную границу, обладают, главным образом, лишь продовольственным сырьем, но сами испытывают недостаток в основных видах промышленного сырья.

Ничтожные размеры золотого запаса, обесцененная валюта Германии и низкие ее шансы на победу — до минимума снижают покупательную способность Германии в отношении стран нейтральных.

С первых же лет национал-социалистической диктатуры, одновременно с ростом агрессивности в отношении других стран, начались и лихорадочные поиски средств к укреплению своей экономической независимости.

В первые годы наибольшим успехом пользовалась идея создания из Германии автаркического го-

сударства: промышленности дана была директива максимального развития, а техника и ученым предписано было искать суррогаты для замещения импортного сырья. Были созданы «синтетический каучук», «жидкий уголь», «искусственная шерсть» и тысячи других суррогатов, производство которых в промышленных размерах часто во много раз превышало стоимость импорта замещаемых продуктов.

Уже к 1936 году руководители Германии и особенно военные авторитеты признали unsuccessfulность практического осуществления автаркии. Германия вступила тогда на путь максимальной экономии в отношении дефицитного сырья и одновременно стала интенсивно заготавливать запасы сырья, потребного для ведения войны. Лишь тяжелое состояние финансов ограничивало темпы этих явно предвоенных операций. Удвоение, утроение, а по некоторым видам «стратегического сырья» даже учетверение импорта 1938 г. по сравнению с 1932 г. показывает, как явно выполняла Германия определенный экономический план: создания военных запасов.

Мы не можем в нашей короткой статье подробно проанализировать все виды сырья, в котором нуждается Германия. Достаточно будет указать в отношении основных видов сырья, в какой мере потребность покрывается импортом и откуда этот импорт, главным образом, осуществляется, чтобы стала ясна зависимость «военного потенциала» Германии и способности ее к сопротивлению от эффективности блокады.

Германия нуждается, как мы уже писали в нашей статье в прошлом номере «Соц. Вестника», в продуктах продовольствия: в хлебе, мясе, жирах, масле и кормах для скота. Но не здесь наиболее уязвимое место Германии. Нужные Германии продукты продовольствия она может получить у стран, к ней непосредственно примыкающих и находящихся от нея в большей или меньшей степени экономической зависимости, у Венгрии, Югославии, Болгарии, Румынии, Италии и Греции. Частично получит Германия потребное зерно и из Советского Союза. Более остро стоит задача снабжения населения Германии маслом, которое Германия получает из стран скандинавских и прибалтийских. Но поскольку, в силу технических и политических причин, блокада в отношении этих стран на данной стадии войны наименее действительна, мы думаем, что снабжение Германии маслом лишь несколько уменьшится, но не столь существенно, чтобы создать условия острого недостатка.

Если Германия уже с первых дней ввела в отношении продовольствия карточную систему, то это объясняется решением экономить валюту в отношении хлеба, масла и прочих продуктов питания.

Иначе обстоит дело в отношении промышленного сырья. Здесь блокада может быть весьма действительна.

Основным и решающим фактором в войне, как известно, является металл. Этот фактор определяет количество артиллерии, танков, пулеметов, снарядов, броненосцев, подводных лодок, аэропланов, бомбовозов и бомб. Он определяет количество вооружения, находящегося в действии, он же определяет и возможности восстановления, обновления и регулярного питания пушек, пулеметов и бомбовозов. Металл же определяет размеры функционирования индустрии и транспорта, обслуживающих войну.

Между тем, сейчас еще больше, чем в прошлую войну, Германия будет терпеть острую нужду в металле. Раньше всего Германия имеет лишь одну треть потребной ей в мирное время железной руды. Руда, которую Германия добывает, кроме того, плохого качества. В 1929 г. Германия добывала 6 млн. т. руды. В 1936 г. Германия добывала 6,7 млн. т. По «четырёхлетнему плану» решено было к 1940 г. довести ежегодную добычу до 43 м. тонн! *) Несмотря на громадные ассигновки, несмотря на работу ученых и техников, несмотря на чрезвычайную нагрузку рабочих — в 1938 г. добыто лишь 11 млн. тонн.

Для питания металлом военной индустрии пришлось значительно увеличить импорт железной руды: за последние три года ежегодно в среднем ввозили по 20 млн. тонн (в 1938 г. — 21,9 млн. т.) **). В военное время потребность в руде значительно возрастет, и немецкие специалисты считают, что в первый же год войны нужно будет ввезти не менее 30 млн. тонн железной руды, притом хорошего качества.

Где ее Германия может взять? В 1938 г. Германия получила из Франции, Англии и их владений свыше 33% своего ввоза. Теперь она эту руду не получит. Свыше 15% своего ввоза руды Германия получила из заокеанских стран. Контроль Англией и Францией океанских и морских путей заставляет предполагать, что значительную часть этой руды Германия также не получит. Германия может рассчитывать только на Швецию, Норвегию, Люксембург, откуда она получала до сих пор около 50% своего ввоза. СССР также не может дать Германии сколько-нибудь значительного количества железной руды (см. нашу статью в № 18 «Социалистического Вестника»).

Вместо увеличения на 50% своего ввоза, Германия может оказаться перед печальной необходимостью уменьшить свое потребление металла вдвое.

Если бы Англии и Франции удалось осуществить эту тяжелую, но возможную задачу — отрезать доступ в Германию железной руды, идущей морскими путями — вопрос о их победе, и притом быстрой победе, был бы предрешен.

Достаточно указать, что генерал Людендорф, один из военачальников прошлой войны, в своих воспоминаниях утверждает, что «прекращение доставки железной руды из Швеции заставило бы Германию капитулировать еще в 1915 году».

Еще более мрачны перспективы Германии в отношении цветных и редких металлов. Потребле-

ние этих металлов и в мирное время Германией велико, в военное время оно естественно значительно возрастет. Между тем, почти всех этих металлов, по воле судьбы, нет ни в Германии, ни в доступных ей странах. Только цинк Германия может получить в значительном количестве и у себя в стране и в завоеванной Польше.

Нами исчислено, что в 1939 г. Германия ввезла из владений Англии и Франции марганцевой руды — 67,7%, никелевой руды — 50,9%, алюминия — 53,2%, бокситов (для производства алюминия) — 37% своего ввоза этих металлов. Из скандинавских стран Германия получала медь и свинец, притом лишь в пределах 15 и 20% своего ввоза. Остальные медь и свинец прибывали из заокеанских стран. Олова Германия совершенно не имеет. Она может рассчитывать лишь на 27%, которые она получала из Югославии. Остальное олово получалось из Сев. и Южной Америки.

Всего хуже для Германии обстоит дело с такими редкими металлами, как вольфрам, молибден, ванадий, уран, сурьма и др. Ни Германия, ни Италия, ни СССР, ни соседние с Германией страны их совершенно не имеют. Между тем, производство высококачественных сталей, резцов для массового производства, подшипников, частей для авиации, аппаратов для металлообработки и сплавов для электротехники, производство моторов и валов не могут обходиться без применения этих редких металлов. Почти все эти металлы можно получить лишь из стран Азии, Африки и Америки...

Проблема металла — это первое слабое место военной политики Германии!

Нефть, бензин, нефтяные масла и нефтяные продукты. Военная потребность Германии в этих продуктах не менее 25 млн. тонн. Короткий опыт польской военной кампании показал, что расход жидкого горючего значительно превысил все предположения и исчисления. В пределах современной Германии путем добычи нефти и производства жидкого угля Германия может иметь около 5 млн. тонн в год. Не менее 20 млн. тонн в год Германия еще должна ввезти. Захочет и сможет ли Румыния продать Германии даже 1-2 млн. тонн нефти весьма сомнительно. Россия же во всяком случае, по соображениям, развитым нами в статье прошлого номера, не сможет дать больше 1-2 млн. тонн. Весь экспорт СССР в 1938 г. равнялся 1,1 млн. тонн нефтепродуктов. Между тем, у основных производителей нефти — у САСШ, Голландской Индии, Мексики, Венесуэлы и Ирана — Германия нефти получить не сможет.

Германия вынуждена жить, главным образом, сделанными ею запасами. Хватит ли их надолго? Наличие же нефти определяет не только размеры работы индустрии и транспорта, но и движение танков и моторизованных бригад, боеспособность броненосцев и подводных лодок, активность авиации, снабжение фронта...

Здесь второе уязвимое место Германии.

И наконец — каучук, хлопок и шерсть.

Все эти, необходимые для боеспособности, продукты Германия не производит и ни у кого из доступных ей стран достать не может. Каучука Германия потребляет в год свыше 100 тыс. тонн. Она ввозила его из Малоазии, Индии, Экуадора, Бразилии. Вся торговля каучуком находится в руках англичан, и Германия его не сможет получить в сколько-нибудь больших количествах. Хлопка Германия ввозила около 300 тыс. тонн и получала его из Бразилии, Египта, САСШ, Брит. Индии, Аргентины и Перу. Шерсти Германия ввозила свыше 140 тыс. тонн — это 75% ее потребности. Вся импортируемая шерсть поступала из-за океанских

*) Нюрнбергский Съезд, 1936.

***) Все данные в настоящей статье исчислены нами по «Monatliche Nachweise über den auswärtigen Handel Deutschlands» —, Berlin 1939.

стран — Южн. Африки, Аргентины, Австралии, Уругвая, Бразилии.

Какое количество каучука, хлопка и шерсти поступит в Германию впредь, находится в полной зависимости от того, насколько полно удастся Англии и Франции осуществить контроль морских путей и блокаду Германии.

Металлы, нефтепродукты, каучук, хлопок и шерсть — это основные стратегические факторы. Созданные в Англии и Франции министерства блокады ставят своей задачей вести наступление именно на эти наиболее уязвимые места нацистской Германии.

Конечно, проблема блокады не так проста, как это кажется на первый взгляд. Раньше всего сделанные Германией запасы и применение суррогатов отсрочивают роковой момент острой нехватки. Но, кроме того, Германия будет использовать все возможности, чтобы прорвать блокаду и в первую очередь будет широко использовать услуги нейтральных дружественных стран. Весьма возможны случаи, когда нейтральное государство X. закупит на свой адрес для Германии тысячи тонн каучука, или государство Y. закупит и даже переработает для Германии нужные ей нефтяные продукты. В настоящее время опубликованы данные показывающие, что за период войны 1914-18 гг. Германия, несмотря на блокаду, ввезла товаров на 23 млрд. марок! *) Но, по сравнению с 1914-18 гг., мировой рынок сейчас настолько под контролем, а запасы основных продуктов настолько на учете, что продажа сколько-нибудь больших партий товаров, вне ведения Англии и Франции, совершенно невозможна. Да и сознание роли экономической блокады значительно более ясное.

Весь вопрос сводится к тому: найдут ли Англия и Франция средства побудить нейтральные страны свести к минимуму свою торговлю с Германией.

При этом имеется фактор, который дает возможность успешно бороться с поставками Германии нейтральными странами, помимо, часто сложного, прямого досмотра судов. Финансовое положение Германии настолько затруднительно, что она должна свести свои закупки за наличные к минимуму, она вынуждена прибегать к кредиту или прямому товарообмену. Между тем, финансовое положение Англии и Франции позволяет им платить наличными и полноценной валютой. Золотой запас

*) „Wochenbericht“ N° 28, 1938.

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

Германии к моменту войны равен — 17 млн. старых золотых долларов. Золотой запас Англии и Франции равен — 10.447 млн. золотых долларов. Германия владеет 5,5%, а Англия-Франция — 53,9% всего мирового золотого запаса. Ко времени войны Германия имела государственную задолженность свыше 50 млрд. марок. Количество выпущенных банкнот достигло 9 млрд. марок. и давно уже вышло за пределы нормального золотого покрытия. Финансовое положение Германии и в мирное время очень осложняло внешнюю торговлю Германии, в условиях же войны торговля в кредит и методом трансфера делается исключительно трудной.

Опыт прошлой войны показал, что после окончания войны, очень трудно реализовать продажи, совершенные в кредит, даже в отношении стран победительниц. Очень сомнительно, что при сложившихся в настоящее время условиях, для Германии возможно будет сколько-нибудь значительная торговля в кредит. Очень характерны уже появившиеся в печати многочисленные сведения о требованиях наличного расчета, которые предъявляются Германии и Россией, и Италией и Румынией.

**

Мы показали в нашей статье, что Германия остро нуждается в самых основных продуктах промышленного сырья, что значительная часть этого сырья доставлялась в Германию прямо из владений Англии и Франции, а подавляющая часть — поступает в Германию из стран, транспорт из которых может быть поставлен под контроль Англии и Франции. Около 78% всего «стратегического сырья» импортируемого Германией находится под контролем Англии и Франции. Блокада может стать весьма действенным средством войны, притом с каждым месяцем все увеличивающим свою динамичность.

Заметки

Полезные напоминания

XX., сотрудник «Попюлэр», напоминает в номере от 3 ноября некоторые факты и данные, которые небесполезно держать в памяти, чтобы оценить по достоинству ту апологию предательского поворота сталинской внешней политики, которую Молотов пытался дать в своей речи в Верховном Совете. XX. пишет:

«Отметая все определения агрессии, бывшие в ходу доныне, Молотов, несомненно, имел в виду оправдать советскую политику. Небесполезно напомнить при каких условиях должно было считаться государство агрессором согласно Лондонским протоколам от 3 и 4 июля 1933 года:

«1. Объявление войны другому государству;

«2. Вторжение вооруженными силами на территорию другого государства, хотя бы и без объявления войны;

«3. Нападение наземными, морскими или воздушными силами на территорию другого государства, хотя бы и без объявления войны;

«4. Морская блокада берегов или портов другого государства;

«5. Поддержка, оказываемая на своей территории вооруженным бандам, вторгающимся на территорию другого государства.

«Такая конвенция была, по предложению Литвинова, подписана между СССР и Польшей, Румынией, Турцией, Латвией, Эстонией, Чехословакией, Югославией, Персией (Ираном), Афганистаном. Все эти страны находятся более или менее в пределах того «жизненного пространства», на которое притязает ныне СССР. Вполне понятно, почему Молотов хочет освободиться от «устарелых формул», тем более, что ст. 3-ья Лондонской конвенции специально подчеркивает: «никакие

соображения политического, военного, экономического или какого-либо другого порядка не смогут служить извинением или оправданием агрессии, как она выше определена». Литвинов все предусмотрел против агрессора и его софизмов, так что Молотову не оставалось ничего иного, как объявить пакты о ненападении и определения агрессии никчемными «клочками бумаги». Он сравнялся таким образом с Бетман-Гольвегом в цинизме, но весьма превзошел его в лицемерии...

«В своей речи Молотов следовал правилу (особенно пригодному в случаях безнадёжных), что лучшее средство самозащиты — переход в нападение. Маневр его развертывается в двух планах, смыкающихся друг с другом:

«1. а) Нападение Германии на Польшу — не агрессия, так как это слово не имеет уже того значения, какое оно имело для советской дипломатии с 1933 по 1938 год;

«б) Германия — страна, желающая мира;

«в) Войны хотят Англия и Франция.

«2. Англия и Франция ведут войну для противодействия колониальным требованиям Германии.

«...Заключение напрашивается само собою: Поскольку Германия хочет мира, а Англия и Франция хотят войны единственно ради колоний, — ясно, где надо искать агрессоров...

«На первый взгляд кажется удивительным, что Молотов не нашел другого объяснения позиции, занятой Англией и Францией, кроме борьбы за колонии, отождествляемой им с борьбой за мировую гегемонию. В своем известном разговоре 25 августа с Невиллом Гендерсоном Гитлер требовал возвращения германских колоний, но выразил готовность гарантировать, хотя бы и военными силами Рейха, «неприкосновенность британской империи» на всех континентах, следовательно и в Азии... Тут был материал и для переговоров, и для компромисса. Лондонское правительство не отказалось обсудить при этой okazji вопрос о колониях, но оно требовало мирного разрешения германо-польских проблем. Если бы Англия согласилась назначить Гитлера жандармом своей империи, в данный момент имела бы лишь германо-польская война, и Европа с беспокойством и чувством обреченности ждала бы следующей очередной агрессии. Следовательно, в развязывании нынешней войны колонии не играли никакой роли.

«Но Молотов поднял колониальный вопрос ради равенства по Гитлеру и Риббентропу и с вполне определенной политической целью. До ноября 1938 г. СССР обвинял Германию в намерении осуществить «продвижение на восток», на Украину. В декабре Рейх начал с Москвою переговоры о заключении нового торгового договора. Переговоры немедленно же перешли на политическую почву. Сталин потребовал от Германии, чтобы она приостановила свое продвижение на восток и согласовала с ним вопрос о Польше и прибалтийских странах.

«В своем первом выступлении за 1939 г., в речи 30 января перед рейхстагом, Гитлер, обозревая весь международный горизонт и говоря об отношениях Рейха со всеми другими странами, ни слова не проронил однако о России и подчеркивал свои колониальные требования. 10 марта, в речи на съезде большевистской партии, Сталин заявляет, что СССР не приходится бояться чего-либо со стороны Германии, и что виды на Украину — выдумка демократий, которые-де хотят «спровоцировать конфликт (Советского Союза) с Германией без видимых на то оснований».

«К середине марта Германия отказывается от Подкарпатской Украины, которую она фактически оставила за собою в момент Венского дележа за несколько

месяцев до того, и соглашается на присоединение этой территории к Венгрии.

«В том же марте германский генеральный штаб, — согласно его собственному позднему признанию, — вырабатывает план кампании против Польши, план, ни в какой мере не считающийся с возможностью русского вмешательства, как будто к этому времени было уже достоверно известно, что с этой стороны ничего опасаться не приходится. 28 апреля, в своей второй речи перед рейхстагом, Гитлер говоря о всех других странах, опять умалчивает о России и повторяет свои колониальные требования. 23 августа был подписан в Москве германо-советский пакт, подготовлявшийся в течение нескольких месяцев.

«Таким образом, говоря о колониальных требованиях Германии, Молотов продолжал линию политики, проводившейся Сталиным с конца 1938 года, политики, направленной к тому, чтобы, регулируя совместно с Гитлером вопросы Восточной Европы и Прибалтики, толкать Германию против Запада, Раз что украинский вопрос был похоронен, колониальные требования Германии именно и толкали ее против Великобритании и Франции. Вот почему Молотов особенно настаивает на том, что обе демократические державы ведут войну из за того, что не хотят вернуть Германии ее колонии...»

Тов. XX. кончает свою статью указанием, что речь Молотова содержит много и других примечательных вещей, как «речи гитлеровского пошиба по адресу Финляндии, обвинения против Турции, абсолютное умолчание о Китае, — который СССР готов предать Японии, — приглашение Японии заключить общее соглашение, выпады против «идеологической войны» и т. д.». Обо всем этом тов. XX. собирается поговорить в другой раз.

Поход Гитлера и Сталина против социалистов

Один из лидеров Польской соц. партии ППС тов. Недзьялковский взят немцами в Варшаве в качестве заложника. Много других деятелей социалистического, профессионального и крестьянского движения в Польше арестовано Гестапо в областях занятых немцами. Так сообщает вся мировая печать. И в тех же газетах, почти в тех же выражениях сообщается из частей Польши, оккупированных советскими войсками, что ГПУ арестованы многочисленные деятели ППС, Бунда и профессионального движения. Взятые и увезены вглубь России тов. Чапинский, быв. редактор «Работника», вожди Бунда Эрлих и Виктор Альтер, Анна Розенталь, старая революционерка, известная еще по Романовскому процессу 1905 г., рабочий Гиммельфарб, известный деятель евр. профессионального движения в Польше и многие другие.

Параллелизм в «работе» палачей из ГПУ и Гестапо по части истребления независимого рабочего движения давно уже не новость. Но никогда еще эта трогательная солидарность Гимmlера и Берия не проявлялась в такой разительной и для всех ясной форме, как в момент, когда Гитлер и Сталин соединенными силами взялись за «освобождение» угнетенных народов Польши. Надо думать, что помимо смешанной советско-немецкой комиссии, установившей демаркационную линию между границами Германии и России в Польше, там работала еще вторая «смешанная комиссия» из представителей ГПУ и Гестапо, выработавшая список политических деятелей, подлежащих ликвидации, и методы борьбы с непокорными рабочими, позволяющими себе критиковать диктаторов, устраивать стачки и вообще «бузить» (по-гитлеровски: weckern). Можно себе представить,

какой интересный обмен мнений и взаимной информации имел место в этой комиссии, какие там произносились речи за укрепление германско-советского сотрудничества в области борьбы с международной социал-демократией...

Но если палаческая деятельность Берия - Сталина встречает полное одобрение, сочувствие и поддержку со стороны Гимmlера-Гитлера, то террористическая низость сталинского правительства по отношению к безупречным пролетарским деятелям, всю свою сознательную жизнь отдавших на служение делу социализма, вызывает единодушное негодование и возмущение всех честных рабочих и демократов во всем мире. И с тем же единодушием организованные рабочие всего мира проявят свои горячие братские симпатии новым жертвам сталинского террора, брошенным в лагеря и тюрьмы «социалистического» отечества в разрез не только со всеми принципами пролетарской демократии, на которую сов. правительство все время лицемерно ссылается, но и со всеми законами международного права.

Мы со своей стороны шлем польским, еврейским и украинским товарищам, попавшим в советские тюрьмы, наш пламенный братский привет. Час освобождения пробьет и для них, как и для старых сидельцев советских тюрем, российских социалдемократов и бундистов, томящихся в неволе уже почти 2 десятка лет.

Р. А.